

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАНКОВ

ПСИХОЛОГ, ДЕФЕКТОЛОГ, ПЕДАГОГ
(1901 – 1977)

Одно из видных мест среди московских психологов принадлежит Леониду Владимировичу Занкову.

Леонид Владимирович был яркой, многогранной личностью, но весьма противоречиво воспринимавшейся окружающими его людьми. Его сотрудники, ученики (аспиранты, а впоследствии кандидаты и доктора наук), школьные учителя, с которыми он на протяжении всей своей жизни работал в теснейшем контакте, преклонялись перед ним, но были и такие, кто считал его гордым, замкнутым человеком. Для такого неоднозначного восприятия были свои основания, прежде всего в его отношении к делу, к науке, в своеобразии его творческого пути, но также и в его характерологических особенностях.

В многогранной личности всегда можно заметить ведущую черту. Для нас, пишущих эти строки, самым ярким, самым прекрасным в Леониде Владимировиче были его беспредельная преданность науке, его вера в правильность избранного творческого пути и бескомпромиссное следование ему, которому не могли помешать ни плохое состояние его здоровья, ни какие-либо конъюнктурные общественные условия и пр. В этом стержень его личности и та красота, которая так нас покорила.

Научный путь Л.В. Занкова своеобразен. Своими исследованиями он внес большой вклад и в психологию, и в дефектологию, и в педагогику. Труд его был высоко оценен, ему были присвоены все высокие ученые степени и звания (доктор педагогических наук, профес-

сор, действительный член АПН СССР, заслуженный деятель науки), он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, рядом медалей.

Интересно, что Л.В. Занков всегда работал на грани между психологией и педагогикой, он изучал развитие психики ребенка, движущие силы этого развития, но с той же степенью внимания и интереса относился и к исследованию и экспериментальной разработке педагогических условий, наиболее эффективных для развития детей. С одной стороны, эта, казалось бы, очень ценная особенность исследовательской деятельности — многосторонность, целостность подхода к изучению ребенка — обуславливала то, что Леонид Владимирович нередко оказывался в каком-то особом, можно сказать, странном положении: не психолог среди психологов, не педагог среди педагогов. А с другой стороны, именно эта особенность — и психолог и педагог! — привела его к большим научным и практическим успехам, вызвала к нему любовь и уважение многих других ученых и особенно учителей-практиков. Еще одна особенность Л.В. Занкова как ученого — исключительная приверженность фактам. Если о ком и можно сказать, что он следовал девизу И.П. Павлова «Факты — воздух ученого», так это о нем.

Л.В. Занков родился 23 апреля 1901 г. в Варшаве в семье русского офицера, в которой было четверо детей — одна девочка и три мальчика. Леонид Владимирович был вторым ребенком. Все дети получили хорошее семейное воспита-

ние, росли в доброжелательной атмосфере. Как в большинстве интеллигентных семей, детей обучали музыке, танцам, иностранным языкам. Больше других музыкой был увлечен Леонид — будущий педагог и ученый. Особенно серьезно он занимался музыкой в гимназические годы. В гимназии же, которую он окончил в 1916 г., у него зародилась любовь к профессии педагога. Этому способствовало, как рассказывал он сам, блестящее преподавание литературы: «Литература была моим любимым предметом. Уроки литературы вызывали огромную радость, глубокие переживания».

После окончания гимназии он работал учителем и воспитателем в распространенных в то время сельскохозяйственных колониях. В частности, с 1920 по 1922 г. заведовал колонией «Островня» Московской области. Молодой педагог делал все возможное, чтобы создать в колонии благожелательную обстановку, взаимное расположение между воспитанниками и воспитателями, атмосферу творчества, стремления к познанию окружающего мира.

С 1922 по 1925 г. Леонид Владимирович учился в Московском государственном университете, на факультете общественных наук. Здесь произошла его встреча с Л.С. Выготским, под руководством которого студент Занков участвовал в экспериментально-психологических исследованиях по проблемам памяти. После окончания университета Л.В. Занков был оставлен в аспирантуре Института психологии при Московском государственном университете и под руководством Л.С. Выготского начал исследования психики и особенностей обучения аномальных детей, не прерывая при этом исследований по общим проблемам психологии памяти.

В 1929 г. руководство научной и педагогической работой по проблемам аномального детства было возложено Наркомпросом РСФСР на Экспериментальный дефектологический институт. Директором института был назначен известный в то время педагог-дефектолог И.И. Данюшевский, его заместителем по науч-

ной работе — Л.В. Занков. Научным руководителем психологических лабораторий был Л.С. Выготский. Впоследствии заведование лабораториями перешло к Леониду Владимировичу, а с 1944 по 1951 г. он был и директором Института дефектологии.

Вместе с сотрудниками психологической лаборатории он организовал экспериментальные исследования различных сторон психики аномального ребенка. Среди ближайших соратников и друзей Леонида Владимировича нельзя не упомянуть Ж.И. Шиф и И.М. Соловьева, в свое время очень известных психологов и тоже учеников Л.С. Выготского, внесших значительный вклад в развитие психологии и дефектологии. Нельзя не подчеркнуть, кстати, что в психологических публикациях последних лет среди учеников и последователей Выготского обычно называют строго очерченный круг лиц — представителей деятельности психологии. Но это неправильно. В Институте дефектологии работали психологи, не менее знавшие и понимавшие Выготского, правда, в несколько другом аспекте, чем вышеназванные психологи.

Уже в период работы в области дефектологии Л.В. Занков был крупным психологом-теоретиком, тонким экспериментатором, автором многих методик изучения школьников, в частности, методик изучения памяти. Вместе с тем он прекрасно знал практическую работу учителей специальных школ, понимал всю сложность их повседневного труда. И его хорошо знали и глубоко уважали учителя, воспитатели, директора и завучи специальных школ Москвы. Многие из них регулярно посещали лекции и доклады, проходившие в ту пору в Институте дефектологии на Погодинке, 8. Небольшой конференц-зал института был тогда переполнен.

Леонид Владимирович часто посещал школьные уроки, участвовал в их обсуждении, бывал на детских утренниках, нередко выступал с сообщениями на педагогических советах. Наиболее близким ему был коллектив школы № 532. Ее директор П.Н. Завьялова была прогрессивным,

высокообразованным человеком, беспредельно преданным своему делу. Когда Л.В. Занков задумал осуществить длительное наблюдение за развитием учащихся, он выбрал именно эту школу. Работа проводилась и им самим, и его сотрудниками при активном участии учителей. Это было первое в истории отечественной дефектологии лонгитюдное изучение умственно отсталых детей. В результате появилась книга под редакцией Л.В. Занкова «О педагогическом изучении учащихся вспомогательных школ»¹.

В русле работ по дефектологии, как уже говорилось, проводилось исследование проблем памяти. Приведем здесь оценку этих исследований, данную специалистом в названной области Ф.В. Ипполитовым. «Творческий вклад школы психологов памяти, сформированной Л.В. Занковым, — пишет он, — своеобразен: с одной стороны, основные положения советской психологической науки о единстве сознания и деятельности (отсюда о памяти как условия деятельности, как форме деятельности и результате деятельности человека) разделялись Л.В. Занковым и последовательно реализовывались в его научном творчестве. С другой стороны, вполне уместно противопоставить круг работ школы Л.В. Занкова всем другим направлениям (П.П. Блонский, Н.А. Рыбников, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.А. Смирнов) как работу непосредственно практическую, осуществляющую формирование мнемической деятельности уже не в качестве научно-исследовательской задачи (хотя бы даже и с целью выработки рекомендаций педагогам), а как часть прямой перестройки, интенсификации и оптимизации учебного процесса в целом». Полученные Л.В. Занковым результаты, продолжает он, «дают возможность отнести Л.В. Занкова к числу основателей отечественной экспериментальной школы иссле-

дований высших психических функций, к числу самых блестящих продолжателей направления Л.С. Выготского».

Для нас важно, что здесь подчеркивается именно та особенность Леонида Владимировича, которая характеризует его как психолога-педагога.

В 1951 г. начался новый этап в научной деятельности Л.В. Занкова: он стал работать в НИИ теории и истории педагогики АПН СССР заместителем директора по науке и организовал лабораторию экспериментальной дидактики, впоследствии переименованную в лабораторию проблем обучения и развития.

Переход в педагогику был для Л.В. Занкова внутренне мотивированным шагом: здесь раскрывался большой простор для применения его психологических познаний, для исследования проблем развития ребенка, для влияния на школьную практику.

Подвергнув анализу исследовательскую практику в педагогике, он обнаружил недостаточную научную обоснованность многих нормативных положений, проистекающую из бедности педагогической науки достоверными фактами, добытыми в собственных исследованиях. К научному обоснованию педагогических норм, подчеркивал он, нужно идти через раскрытие внутренней связи между применяемыми педагогическими способами и их результатами. Для этого следует «изучить процессы усвоения знания и навыков — то, что происходит в голове учащегося при применении учителем такого-то способа и приема»².

Далее он приходит к еще одному выводу: педагогические исследования слабо ориентированы на преобразование практики обучения и воспитания. Он выдвигает тезис: «Главное заключается в том, чтобы органически объединить создание новых способов обучения и рас-

¹ Список работ Л.В. Занкова (около 300 названий) см. в сб. «Л.В. Занков. 1901–1977», изданном НИИ общей педагогики АПН СССР и Библиотекой им. К.Д. Ушинского в 1990 г.

² Занков Л.В. О предмете и методах дидактических исследований. М., 1962. С. 23.

крытие объективных законов, которым подчиняется их применение»³.

Так впервые ставится вопрос о включении в состав педагогических исследований психологических методов изучения учащихся и делается шаг к утверждению ведущей роли эксперимента в педагогике. Без этого не могут быть добыты факты в педагогике, а следовательно, и дано научное обоснование построения обучения.

На базе этих положений в 1952–1956 гг. было проведено исследование «Взаимодействие слова и наглядности в обучении». Тема эта не лежала в русле основных интересов Л.В. Занкова, но в ходе ее разработки утвердились его методологические позиции, она послужила плацдармом для дальнейшего фундаментального исследования проблемы развития школьников. Сотрудники лаборатории под руководством и при непосредственном участии Леонида Владимировича подвергли наблюдению и анализу сотни уроков в сложившемся опыте учителей, выявили различные формы сочетания слова и наглядности, которые применяли учителя при решении одних и тех же учебных задач, связанных с познанием наглядных объектов. С помощью экспериментальных приемов обнаружили разную эффективность этих форм для овладения знаниями о внешнем виде объектов и для развития (в частности, наблюдательности) школьников, выявили преимущественное применение учителями именно неэффективных форм как наиболее удобных для использования на уроке и в то же время соответствующих принципу наглядности в обучении. В трудах по педагогике это не отмечалось, да и не могло быть обнаружено без проведения определенных экспериментов, включающих в себя психологические методики изучения учащихся.

Но все это шло вразрез со сложившимися в педагогике стилем и методами исследования —

обоснования направлений в образовании, задаваемых руководящими органами, — и Леонид Владимирович постоянно сталкивался с неприятием его новаций. «Варяги в педагогике. Занков пытается добывать солнечную энергию из огурцов», — можно было слышать в кулуарах, а в печати обнаружить протесты против применения психологических методов и тщательного изучения результативности педагогических приемов.

Но Л.В. Занков, со свойственной ему целеустремленностью, не отступая ни перед кем, продолжал отстаивать необходимость эксперимента в педагогике и изменения характера обучения в школе.

В 1957 г. им было начато экспериментально-педагогическое исследование проблемы соотношения обучения и развития, которое стало главным делом его жизни.

Нередко приходится сталкиваться с вопросом: почему исследование проблемы обучения и развития связывают с именем Занкова? Ведь известно, что теоретическое обоснование этой проблемы дано Л.С. Выготским. Также все знают имена выдающихся педагогов прошлого, и прежде всего И. Песталоцци, К.Д. Ушинского, которые посвятили свою педагогическую деятельность утверждению необходимости развития ребенка в процессе обучения и показу педагогических способов развития. Чего недоставало в их исследованиях проблемы? Какова роль Занкова в ее разработке?

Конечно, Леонид Владимирович знал и адекватно оценивал то, что было сделано до него другими учеными. Прежде всего он разделял положение Л.С. Выготского о ведущей роли обучения в развитии. Но в то же время видел, что отсутствуют достоверные научные факты, которые бы подтверждали это положение.

Фактически до Л.В. Занкова никем не был поставлен вопрос: а можно ли, меняя обуче-

³ Там же. С. 31.

Л.В. Занков и его коллеги
с 1-м экспериментальным классом. 1961 г.

ние, изменить и развитие ребенка и, главное, в чем будут заключаться эти изменения? (Конечно, не должно быть умаления роли лаборатории Н.А. Менчинской в разработке методик обучающего эксперимента, но в данном случае речь идет о создании целостной системы обучения и реализации ее в естественных условиях школы.)

Заслуга Л.В. Занкова состоит прежде всего в том, что он вместе со своими сотрудниками провел длительное фундаментальное исследование зависимости развития от обучения.

При этом, однако, принципиально важно подчеркнуть, что он не был в плену идеи ведущей роли обучения в развитии, а стремился раскрыть подлинные причины развития, лежащие не только вовне, но и в самом ребенке. Это стремление красной нитью пронизывает все проведенное им исследование. Оно отразилось и в формулировке задачи (раскрыть характер объективной связи между обучением и развитием), и в методе исследования, и в характере анализа, и в интерпретации фактического материала и, что особенно важно, в

построении системы обучения, созданной в ходе исследования.

Специально подчеркиваем это, потому что, на наш взгляд, в научных кругах недооценивается вся сложность поставленной, а впоследствии в значительной степени и решенной Л.В. Занковым задачи. Избирается сложный метод ее исследования. Прежде всего — это экспериментальное построение новой, не имевшей места в практике системы обучения. В 1957 г. в московской школе № 172 был создан экспериментальный класс, в который пришли учиться обычные семилетние дети и в котором изо дня в день на протяжении четырех лет ученый совместно с молодой учительницей Н.В. Кузнецовой разрабатывал и воплощал в жизнь систему обучения, по его замыслу должную дать высокий эффект в общем развитии детей. Впервые в отечественной педагогике общее развитие было

выдвинуто как цель и критерий эффективности обучения.

Описание экспериментальной системы, ее дидактических особенностей читатель может найти в трудах Л.В. Занкова и его сотрудников. Здесь лишь подчеркнем мысль о богатстве и разнообразии содержания начального образования, о включении в него как теоретических, так и эмпирических знаний. Жизнь в ее красках, звуках, формах широким потоком вливалась в процесс обучения. В одной из своих работ Леонид Владимирович специально перечислял экскурсии, которые ученики экспериментального класса совершили по Москве и Подмосковию, показывая тем самым, какое значение он придавал накоплению детьми непосредственных впечатлений, общению с природой. Также важно подчеркнуть увеличение удельного веса предметов художественного цикла.

Содержание образования дополнялось богатой клубной работой — в техническом, литературном, изокружках, походами в музеи, театры. Жизнь класса достаточно широко зафиксирована в фотографиях, на многих из которых можно увидеть Леонида Владимировича.

И два слова о методике обучения. Суть методики — сочетание ведущей роли обучения с чрезвычайно бережным отношением к внутреннему миру ребенка, к его собственному пониманию изучаемых вопросов, его потребностям, чувствам и интересам, сложившемуся жизненному опыту. Жизнь детей на уроке — одно из главных требований Л.В. Занкова к построению обучения. Пробужденный внутренний мир ребенка оказывался источником, питательной средой его успехов, опорой в овладении тем, чему по программе должен учить учитель.

Результативность обучения, соответствие требованиям, предъявляемым школе обществом, очевидна. Она проявлялась в увлеченности детей учением, в способности самостоятельно мыслить, вести диалог на уроке, в их общительности, жизнерадостности, дружелюбии, наконец, в их успешном овладении школьной программой за три года вместо четырех. (Нельзя здесь попутно не отметить допускаемую иногда ошибку, когда все достижения Занкова сводят к сокращению срока начального обучения.)

И хотя успехи были налицо и их могли видеть приходившие в класс группы научных сотрудников, учителей, работников народного образования, увы, и здесь не обошлось без парадоксов. Внимание подчас привлекали не результаты, а само название «новая», «экспериментальная» система, что

иногда вызывало неприязнь, расценивалось как умаление достоинств годами функционировавшей единой системы обучения. Это сейчас веером разворачиваются термины «новации», «инновации», «новаторство» и т. д. Тогда было другое время. Если результаты и признавались, то высказывалось сомнение, а не отобраны ли дети, не «отнимает» ли у них обучение по системе Занкова детство, ведь выдвинуты такие пугающие дидактические принципы, как обучение на высоком уровне трудности, ведущая роль теоретических знаний, быстрый темп обучения и др. Но Леонид Владимирович доказывал свою правоту фактами, которые получал, применяя наряду с работой в одном экспериментальном классе и новые исследовательские приемы: массовый педагогический эксперимент (здесь был выявлен тот же успех, но уже в сотнях классов); изучение отдаленных последствий начального обучения вплоть до окончания детьми средней школы (внимание обращалось на здоровье детей, успехи в обучении, отношение к жизни).

Конечно, получение высоких практических результатов было важно для Л.В. Занкова: ведь направленность исследования на преобразование педагогической практики — один из его методологических принципов. И возможно, педагог-исследователь мог бы поставить здесь точку. Но Леонид Владимирович был педагогом-психологом. Перед ним стояла задача более доказательно, научно обоснованно показать зависимость развития от обучения. Этому служила такая составная часть исследовательского метода, как тщательное, с помощью разнообразных психологических методик осуществляемое изучение общего развития учащихся в разных условиях обучения. Изучалось развитие деятельности наблюдения, мышления, практических действий, особенности эмоционально-волевых проявлений учащихся.

При экспериментальном классе в 172-й школе была создана специальная лаборатория, оснащенная всеми имевшимися тогда

техническими средствами звуко- и видеозаписи, которые служили для ежедневного протоколирования уроков и для индивидуальных исследований учащихся. На их приобретение Леонид Владимирович не жалел личных денег. Все было подчинено сбору фактов. В трудах Л.В. Занкова и его сотрудников самым подробным образом описаны и методики изучения учащихся, и сама лаборатория.

Анализ огромного фактического материала, проведенный Л.В. Занковым и его сотрудниками, показал, что изменение обучения меняет ход развития детей. Положение о ведущей роли обучения в развитии было поставлено на фундамент достоверных научных фактов. Факты свидетельствовали, что психологические особенности ребенка определяются не только возрастом, но и характером обучения. Этот важный для возрастной психологии вывод, к сожалению, не был должным образом оценен психологами, возможно, потому, что он получен не в русле собственно психологических исследований.

Леонид Владимирович упорно продвигался в раскрытии объективных, реальных причин развития. Так, уже при анализе развития по отдельным линиям в разных условиях обучения было обнаружено, что в условиях экспериментального обучения происходит не только более быстрое прохождение учащимися отдельных ступеней деятельности, но и изменение самой деятельности, она сочетается с волевой и эмоциональной активностью, в ней проявляются личное отношение, прошлый опыт ученика. Давая обобщенную характеристику особенностей развития этих учащихся, Леонид Владимирович писал, что их психической деятельности свойственна целостность, системность. Это «обеспечивается соответствующими интегративными связями, характер которых обуславливает своеобразие деятельности как целого». У учеников обычных классов — тенденция к обособленности компонентов психической деятельности, у учеников

экспериментальных классов — их полное единство⁴.

В книге «Индивидуальные варианты развития младших школьников (М., 1973) показано, сколь различны дети, обучающиеся в одних и тех же, оптимальных с точки зрения разработчиков системы, педагогических условиях. Каждый ребенок в этих условиях проходит большой, но свой, особый путь развития.

Позиция Л.В. Занкова в раскрытии движущих сил развития ребенка полностью совпадает с позицией Л.С. Выготского, который, намекая пути изучения развития личности, подчеркивал, что «существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов». Это единство, полагал Л.В. Занков, можно пробудить — и тогда развитие пойдет полноценно, а можно заглушить, что нередко бывает не только в традиционном, но и в некоторых развивающих системах обучения, — и тогда будет нанесен ущерб общему развитию школьников.

Леонид Владимирович отстаивал свой подход к раскрытию объективных причин психического развития ребенка и научными фактами, и полемикой с представителями других направлений исследования соотношения обучения и развития. «Хотя, — писал он, — они в большей или меньшей степени отличаются друг от друга, характерен общий подход: проблема ограничивается воздействием обучения на умственное развитие школьников, а в то же время признается прямолинейность достижения желаемого результата. Так, например, утверждается непосредственная связь между «формированием полноценных знаний» и «ярким сдвигом в умственном развитии ребенка», причем даже и не упоминается о внутренних процессах развития» (в данном случае имеются в виду работы П.Я. Гальперина, конкретно его статья «Обучение и умственное развитие»)⁵.

О глубине веры Леонида Владимировича в правильность своей научной позиции, о неизменной его преданности науке свидетельствует и еще один, к сожалению, последний момент его жизни. Будучи уже тяжело больным, буквально за несколько часов до кончины, он продиктовал обращение к своим сотрудникам, последователям, в котором еще и еще раз призывал основываться в научных исследованиях на фактах, изучении реальной действительности, выявлении многосторонних связей изучаемых явлений.

Он произнес следующие слова: «В науке о развитии психики человека было два великих ученых: Павлов Иван Петрович и Выготский Лев Семенович. Павлов сделал очень много для исследования развития психики человека, Выготский — для изучения психики ребенка. Ведь ребенок — это тот же человек, только маленький. Они свои идеи не смогли довести до конца, потому что одной жизни человека для этого слишком мало, слишком короткий ее срок.

В своей работе я иду по их пути. Я считаю этот путь единственно правильным, но очень трудным.

Я часто думаю: смогут ли мои сотрудники продолжить эти идеи и смогут ли они передать их своим ученикам?»

В наших воспоминаниях Леонид Владимирович предстает великим тружеником, поглощенным своим делом. Но это не значит, что он был человеком не от мира сего. Ничто человеческое ему не было чуждо.

Правда, в жизни, в быту он часто производил впечатление человека суховатого, рационального, возвышающегося над другими людьми. Этому способствовали некоторые черты его характера. Он был исключительно организованным человеком и совершенно не терпел без-ответственности, неорганизованности. От

⁴ Занков Л.В. Обучение и развитие. М., 1975. С. 395.

⁵ Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971.

своих сотрудников неукоснительно требовал четкой дисциплины. Без каких-либо важных причин нельзя было не успеть написать план или статью. Все знали, что «не успеть» категорически нельзя, хотя «разноса» в обычном смысле никогда не было. Он не повышал голоса, но лицо его становилось каменным, а недовольство выражалось в холодно вежливой форме. Опоздавший сотрудник или аспирант мог услышать примерно такие слова: «Как жаль, что вы не пришли вовремя. Я ждал вас, теперь у меня другие дела. Вас устроит (называлось число и время)? Всего вам доброго». Конечно, такая внешняя холодность не могла вызвать положительных чувств у «пострадавшего» да и вообще у окружающих.

Леонид Владимирович не любил больших собраний. Насколько нам известно, он почти не участвовал в психологических конгрессах, съездах, не посещал заседаний Московского отделения Общества психологов. Все это отдаляло его от коллег.

Его эмоциональность, открытость проявлялись не часто, но если уж проявлялись, то заражали окружающих своей искренностью, глубиной, вселяли уверенность, чувство надежности.

«Впервые, — рассказывает М.В. Зверева, — я встретила Леонида Владимировича в начале 1944 г., когда после окончания дефектологического факультета и года работы в школе глухонемых по совету И.А. Соколянского пришла подавать заявление в только что открывшуюся аспирантуру при НИИ дефектологии (это был первый набор аспирантов в НИИ АПН РСФСР). Меня поразило его улыбчивое, открытое лицо, его лучистые глаза. После короткой беседы с ним, его каких-то расспросов мне показалось, что я обязательно буду принята, хотя еще предстояли экзамены. Потом на протяжении многих лет работы под его руководством мне приходилось видеть и слышать от других, особенно от учителей, о его необыкновенных глазах, лучистых и теплых».

В памяти всех его сотрудников остались заседания лаборатории, на которых проходи-

ли обсуждения плановых работ и просто протоколов исследования детей. Своей заинтересованностью, каким-то доверительным, неспешным размышлением над докладываемыми данными он создавал очень благоприятную и в то же время подлинно научную атмосферу в лаборатории. Он очень радовался, когда подбор фактов, их интерпретация оказывались удачными, убедительными. Для него это было моментом красоты. Радовались и мы вместе с ним. Надо признаться, правда, что праздничность обстановки заседаний «подкреплялась» еще и тем, что Леонид Владимирович любил угощать нас, его сотрудниц (лаборатория-то была женская!), разными сладостями, особенно печеньем «Крымская смесь», которые он покупал неизменно в знаменитом кондитерском магазине, что напротив Елисеевского (кажется, этого замечательного магазина сейчас уже нет).

Внешняя холодноватость, которая многими воспринималась как сущность Леонида Владимировича, сочеталась у него с глубоким, добропорядочным отношением к людям, если дело касалось каких-то серьезных ситуаций и человеку действительно нужна была помощь или сочувствие. Это видно из следующего случая. Леонид Владимирович имел не очень крепкое здоровье и очень оберегал себя, боялся инфекций. Особенно боялся заразиться туберкулезом: ведь на его глазах тяжело умирал от этой болезни его учитель и друг Л.С. Выготский, смерть которого он тяжело переживал. Но случилось так, что туберкулезом заболела его аспирантка, что не было удивительно в тяжелые послевоенные годы. Она лечилась в специальном санатории вне Москвы и, следовательно, была вынуждена оставить аспирантуру и теряла возможность получить работу после ее окончания. Но когда у Леонида Владимировича в лаборатории оказалось вакантное место, он приложил все усилия, чтобы это место закрепить за аспиранткой, известить ее, организовать приезд. А ведь брать ее на работу было рискованно. В данном случае все обошлось благополучно.

Такое отношение к сотрудникам, внешне неброское, но проявлявшееся в нужную минуту добром, было типичным для него. Однажды несколько его сотрудниц решили организовать экскурсию в Ленинград вместе со своими детьми. При этом, понадеявшись на русское авось, присоединили к выходным дням еще и два рабочих дня между Первомайским праздником и праздником Победы. Вышло так, что именно в эти дни пришла верстка коллективной монографии, нужно было срочно провести считку. Конечно, Леонид Владимирович был недоволен, но, вздохнув, сел с оставшимися сотрудниками за работу сам. «Репрессий» к вернувшимся никаких не было, ведь экскурсия с детьми — святое дело!

Особенно раскрывался Леонид Владимирович при встречах с учителями. В Москве и на местах проводились семинары, конференции, на которых учителя знакомились с системой обучения, разработанной в лаборатории Л.В. Занкова. Как на них стремились учителя! Собирались до нескольких сотен человек. Учителя с восторгом говорили, как участие в эксперименте пробуждает их творчество, как им нравится система Л.В. Занкова и общение с ним. Опасения, что Занков своим экспериментом принизит роль учителя, были опровергнуты. Кстати сказать, уже после кончины Леонида Владимировича изданы сборники, в которых учителя делятся своим опытом работы по-занковски, своим отношением к педагогическим идеям Л.В. Занкова⁶.

Леонид Владимирович не был человеком компанейским, но с учителями мог пойти и в ресторан, бывал весел, приветлив.

Многие отмечают особую внешность Леонида Владимировича. А.И. Липкина, работавшая в его лаборатории в Институте дефектологии, вспоминает, какое исключительное впечатле-

ние производила его внешность — высоко поднятая голова, степенная походка, всегда элегантная одежда, утонченные бытовые привычки. Ему было чуждо подлаживание под внешне демократичное поведение, он всегда оставался верен своим привычкам, своему воспитанию. Он, например, никогда не ходил в институтскую столовую; завтрак, который он приносил из дома, раскладывался на белоснежной салфетке, все было аккуратно завернуто, потом также тщательно убрано. Во всех этих, казалось бы, мелочах чувствовалось достоинство человека, его уважение к себе, а тем самым и уважение к другим. Общение, совместная работа с таким человеком возвышали окружающих.

Д.Д. Зуев, в свое время широко известный в педагогических кругах директор издательства «Просвещение», рассказывая о своих встречах с Л.В. Занковым в связи с изданием его книг «Дидактика и жизнь», «Беседы с учителями», о большом интересе, который вызвали эти книги новизной мыслей, фактов, также подчеркивает свое впечатление о внешнем облике Леонида Владимировича, о его манере держаться и достойно и приветливо. Тонкий запах одеколона, вспоминает Дмитрий Дмитриевич, дополнял облик Леонида Владимировича. Все это вызывало к нему какое-то особое расположение.

Леонид Владимирович был очень веселым, ярким человеком в кругу близких ему людей. В.Г. Петрова, знавшая с детских лет семью И.М. Соловьева, с которым в молодости очень был дружен Леонид Владимирович, вспоминает, что, бывало, собравшись в небольшой квартире Соловьевых на Петровском бульваре, они говорили о научных проблемах, горячо спорили, а затем садились за рояль, занимавший не менее трети комнаты Ивана Михайловича, играли в четыре руки любимые пьесы, пели русские песни и романсы.

⁶ См.: Содружество ученого и учителя / Сост. М.В. Зверева, Н.К. Индик. М., 1991; Дидактическая система академика Л.В. Занкова и проблемы современной школы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. М.И. Красновой. Тула, 1993; Система развивающего обучения Л.В. Занкова в тульских школах / Под ред. М.В. Зверевой. Тула, 1995.

Леонид Владимирович был прекрасным семьянином, обожал свою жену Анну Иосифовну Малюту, известную в свое время певицу, солистку радио. Старшее поколение помнит ее нежное сопрано, звучавшее по радио. Она приходила с выступлениями и в Институт дефектологии, когда там работал Леонид Владимирович. Впоследствии она была доцентом по классу вокала в Институте Гнесиных. Дочь и зять Леонида Владимировича, к сожалению, уже ушедшие из жизни, были талантливыми пианистами. Кстати сказать, когда они оба закончили консерваторию, то семьей никаких попыток «устроить» их в Москве предпринято не было, молодые супруги уехали на Камчатку и длительное время преподавали там в музыкальной школе. В Москве сейчас проживает вдова Леонида Владимировича и внук с семьей, в которой растет уже новое поколение Занковых. Личная научная библиотека Леонида Владимировича его семьей была подарена библиотеке им. К.Д. Ушинского. Архив его передан в Академию педагогических наук.

Вспоминая своего мужа, Анна Иосифовна рассказывает, что он очень любил русскую классическую литературу. Его настольная книга — в буквальном смысле этого слова — «Евгений Онегин», он ее постоянно перечитывал. Книга и сейчас хранится в доме с отчеркнутыми любимыми страницами, строфами. Леонид Владимирович любил классическую музыку, почти всегда перед сном что-то прослушивал, выбирая из большого набора пластинок. В свободные вечера ходил на концерты симфонической музыки, на любимые вещи ходил многократно, и особенно любил произведения Рахманинова, Прокофьева, Чайковского. Вокальные концерты любил меньше, что супругу-певицу немного огорчало. Прекрасно знал живопись — альбомы с репродукциями картин из отечественных и зарубежных художественных музеев постоянно рассматривались в семье, это заполняло досуг Леонида Владимировича и

его близких. В молодые годы, с гордостью подчеркивает Анна Иосифовна, он любил теннис и прилично играл. Очень любил природу, в основном Подмоскowie и Крым. Никогда не имели собственной дачи, всю жизнь снимали ее на Николиной горе. Интерес к собственности у него не было никогда, правда, имел машину и нанимал шофера — это обеспечивало определенные удобства в жизни. Не один раз Леонид Владимирович получал приглашения на поездки за рубеж, но был только однажды в Румынии, и нигде больше. Какую-то часть жизни в Москве семья прожила в коммунальной квартире, но последние тридцать лет, вплоть до кончины Леонида Владимировича в 1977 г., жили в отдельной квартире, правда очень маленькой, в старом московском доме еще с голландскими печами. В новую кооперативную квартиру он переехать не успел.

Заговорив о квартире и о вкусах Леонида Владимировича, приведем здесь воспоминание Шалвы Александровича Амонашвили. В годы, когда он вслед за Л.В. Занковым приступил к экспериментальному исследованию проблем начального обучения в Грузии, а потом тесно сотрудничал с ним, он бывал с супругой в гостях у Занковых. Его удивила скромность обстановки, старинная мебель, маленькие кабинет и письменный стол. При этом изящная сервировка стола и радушие, теплота хозяев.

Когда в 1969 г. Леонид Владимирович приезжал в Тбилиси на симпозиум по проблемам экспериментальных исследований в начальном обучении, то не захотел остановиться в прекрасной новой гостинице «Иверия», а попросил поселить его в старинной, еще тифлисских времен, гостинице со всеми ее атрибутами — бархатными занавесями, высокими потолками, массивными люстрами. Добавим к этому, что по приезду в Москву Леонид Владимирович с большим удовольствием вспоминал свое пребывание в Грузии и то гостеприимство, которое ему там было оказано.

В последние годы жизни Леонид Владимирович отошел от заведования лабораторией, уже не выезжал в школы, но самым активным образом работал дома с группой сотрудников. И тут мы опять возвращаемся к работе. Но, как вспоминает Н.В. Нечаева, это была работа, творчество, работа-искусство, полностью захватывавшая ее участников. Разрабатывались отдельные грани системы обучения, а именно методика влияния на эмоциональное состояние детей. Сотрудники Леонида Владимировича наблюдали уроки, где реализовывались создаваемые методические приемы — при этом в исследование были вовлечены учителя не только Москвы, но и других городов. Леонид Владимирович, как и раньше, был в курсе всего фактического материала. На круглый стол в его квартире выкладывались протоколы уроков, записи различных наблюдений, письма учителей, и опять шло интереснейшее обсуждение фактов: какой раздел (момент) урока вызвал наибольший эмоциональный отклик у детей, в чем это выразилось, какие моменты не вызвали ожидаемых реакций и т. д.

К сожалению, Леонид Владимирович не успел закончить эту работу, вышли при его жизни лишь ротапринтные издания первичных материалов.

* * *

Проделанная Л.В. Занковым огромная работа в области дефектологии, психологии, педагогики не осталась только в истории. Переиздаются его научные труды, результаты его исследований самым активным образом применяются в школьной практике: его дидактическая система, которая по почину учителей нередко называется «занковской», признана в качестве государственной; учебники, создаваемые в рамках этой системы и первоначально изданные под его редакцией, а теперь доработанные его сотрудниками и вышедшие уже третьим изданием, получили статус федерального комплекта учебников.

В Москве создан Федеральный научно-методический центр им. Л.В. Занкова, в котором продолжается исследование проблемы обучения и развития в избранном им направлении; на основе его принципов разрабатываются новые учебники, методические пособия, продолжается работа с учителями.

*М.В. Зверева,
Н.А. Нечаева,
В.Г. Петрова*